

ПРОЛОГ

В воздухе пахнет полынной горечью и мокрым песком. Бескрайняя степь вокруг Омирши дышит стыло, прощаясь с летом до следующего года. Дождь прошел совсем недавно, но он был настолько коротким, что не смог даже умыть мостовую. Только слегка намочил ее. Дожди в Омирше не такая уж и редкость, но они — лишь эхо, отзвуки того, что творится в столице или Дирне, городе на болотах.

Омирша любит солнце, а солнце — любит этот город, смело встречающий все тяготы степных пожаров и вечной засухи.

Дождь прошел совсем недавно. Но пятна на мостовой он так и не смыл... Глина, грязь, кровь... все осталось.

Алые капли падают на камень и разбиваются на десятки брызг. Слышится тихий стон и странный звук: как будто крысиные лапки перебирают по карнизу.

— Нет... пожалуйста... — Стон переходит в шепот. Отчаянный, умоляющий. Безнадежный.

Цыки-цыки-цыки-цыки-цык.

— Я все отдам... все отдам!

Странный цокающий звук прерывается. Сменяется шорохом ткани.

Фигура в черном плаще стоит перед молодым мужчиной, прижавшимся спиной к стене. Мужчина тяжело дышит, и из его рта вырывается пар. Лето еще не закончилось, но до заморозков не так уж и далеко.

Мужчина прижимает руку к груди, и даже в скудном освещении можно заметить, что пальцы отрублены. Он пытается остановить кровь, но она все равно течет. И капли продолжают падать на камни мостовой.

И разбиваться...

Фигура в черном плаще делает шаг вперед, и по ее очертаниям невозможно определить, кто именно скрывается за чернильной тьмой бесформенной одежды. В Омирше, где ментальных колдунов едва ли не четверть от всего населения, трудно уйти от правосудия.

Но стонущий человек без пальцев не видит лица своего мучителя, и его тело не выдаст его потом. Потом, когда мучитель превратится в убийцу...

А это — самое главное.

— Прошу вас... пожалуйста... я все отдам... только дайте время!

Человек больше не в силах стоять... он сползает по стене вниз и беспомощно смотрит, как фигура в плаще склоняется над ним.

— Пожалуйста... пощади, — шепчет он. — Дай мне время...

Сухой ветер играет с Омиршей. Он налетает шквалом и заставляет свежие капли крови засохнуть вмиг.

Человек придерживает капюшон, чтобы ветер не выдал его, а потом садится на корточки напротив жертвы.

Ветер стихает так же резко, как и появился. Вновь слышится цокающий звук.

— Твое время закончилось, — хриплым шепотом говорит фигура в плаще. — И началось мое!

Цоканье сменяется чавканьем, раздается стук металла о камень, и стоны затихают.

Утром, когда тело обнаружит прачка, которой не суждено будет в тот день дойти до места работы, в кармане мужчины найдут то, что взбудоражит Омиршу на несколько месяцев вперед.

Игральную карту.

Туз треф.

ГЛАВА 1

Молчание было вязким, словно гречишный мед на куске прожаренного хлеба. Тяжелым, словно бархатное одеяло. Удушающим, словно чересчур стянутый корсет.

Хруст и деликатное почавкивание заставляли Силь скрежетать зубами от бессильного бешенства, а ее желудок — сжиматься от сосущего голода.

Но она решила, что не притронется к еде. Она поклялась себе самой: пока отец не поменяет своего решения, она будет голодать. Пусть от недостатка еды у нее уже кружится голова, но она выстоит.

Отец всегда говорил, что она унаследовала его упрямство, так пусть же теперь он поймет, что она еще упрямей! В тысячу раз упрямей, чем он!

— Ты бледна, Сизелла, — заметила Элис, ее новая «мама», которая была старше ее всего на пять лет. — Возможно, стоит умерить свой характер и все же поесть?

Силь сглотнула слюну и пригубила кофе из миниатюрной чашечки. Несколько капель черного, как тьма в ее душе, напитка утром и пара глотков зеленого чая перед сном — все, что она позволяла себе вот уже пятый день.

С тех пор как отец объявил о дате ее помолвки. Помолвки с человеком, который согласился взять в жены ее, бесприданницу. И поправить незавидное положение ее семьи.

Что ж, отец хотя бы может быть точно уверен, что его молодая жена действительно его любит. Потому что Элис согласилась когда-то выйти замуж за нищего вдовца с двумя дочерьми. Но, кажется, поддержки от мачехи сейчас не дождешься.

Всем надоела нищета.

— Твое поведение ни к чему не приведет, — продолжила Элис, хмурясь и изящно закусывая губу. — Если ты продол-

жишь голодать — просто упадешь в обморок. И поверь: пока ты будешь без сознания, я успею тебя хорошенько накормить.

Силь кинула на молодую женщину взгляд исподлобья. Мачеха сидела прямо, будто насаженная на кол, темно-рыжие волосы ее были собраны в сложную прическу, из которой кокетливо выбивались волнистые пряди. Облаченная в недорогое, но справное платье темно-синего цвета, Элис выглядела... жутко. И виной тому была карминовая помада, совершенно неуместная в свете утреннего солнца.

Шестнадцатилетняя Эви, сидевшая напротив отца, тоже выглядела неуместно шикарно, во всем подражая мачехе. И отец был рад, что его жена и младшая дочь сохраняют облик знатных леди. А вот Сиэлой он был недоволен. И не только потому, что она заупрямилась, отказавшись выходить замуж непонятно за кого. Нет. В отличие от мачехи и младшей сестры она вышла к завтраку в самом простом платье, а волосы собрала в косу, не желая отвлекать и так измученную горничную. В доме, где работает одна кухарка, одна горничная и один садовник, являющийся по совместительству чернорабочим, плотником и лакеем, нельзя делать вид, что все в порядке.

И Силь не понимала, почему остальные этого не осознают, цепляясь за внешний лоск, когда нужно смотреть в самую суть. Знатность. Графский титул. Вот и все, что у них осталось.

И отбирать у горничной лишние минуты драгоценного сна ради ненужной прически Силь считала верхом неблагодарности к девушке, которая оставалась с ними только из преданности — вот уже третий месяц она получала урезанное жалованье.

Сиэлла допила кофе, поставила чашку на стол и посмотрела мимо Элис, будто задумавшись.

Элдж, выполняющий по дому всю тяжелую работу, остановился в дверях столовой. Пока никто, кроме Силь, его не заметил, он светло улыбнулся ей, и от этой улыбки в груди стало тепло. На целое мгновение она почувствовала себя почти счастливой. Щемящее чувство нежности разлилось по телу, и она приподняла уголки губ в ответной улыбке.

А потом уткнулась в пустую чашку.

Когда же закончится этот бесконечный завтрак? Ей нужно уйти отсюда. Оказаться в своей комнате, лечь поверх покрывала и заснуть.

Во сне голод не мучает ее.

Во сне к ней приходит Эдж. Тот Эдж, с которым она может быть вместе.

Ирония судьбы: тот, кого она любит всем сердцем — беден как церковная мышь. Но зато ей можно не опасаться подвоха с его стороны: она тоже бедна. И поэтому знает точно, что Эдж любит именно ее. А не деньги, которых у нее нет.

— Сиэлла, — отец отложил недоеденный хрустящий тост и сурово посмотрел на нее, — ты должна понимать, что твоя голодовка ничего не изменит. Желаеть ты этого или нет, но завтра ты будешь помолвлена с Нейтаном Тинклером.

При упоминании имени жениха Силь сжала зубы. В горле и груди поселился холод. Жуткий мороз, уничтоживший все тепло от улыбки Эджа.

Младший брат мэра Омирши, Нейтан Тинклер слыл богатым повесой, любящим азартные игры и вино.

Говорили, что он не выходит из-за покерного стола. Говорили, что за последние пять лет он ни разу не проиграл. Когда-то лишенный наследства за бесконечное пьянство и разврат, он заново сколотил состояние. Играя в покер.

Этот человек мог спасти ее семью от нищеты. Так считал отец, но Сиэлла думала по-другому. С чего ему делиться своим состоянием, шатким, как и у любого заядлого игрока?

С чего Нейтан Тинклер вообще вздумал жениться? И почему именно на ней?

О том, что она привлекла его как женщина, Сиэлла и не думала. Они встречались-то всего пару раз на каких-то пышных приемах, куда время от времени приглашали отца благодаря его благородному происхождению. Да, однажды он пригласил ее на танец, но Силь не захотела с ним танцевать. Ей было противно находиться рядом с ним. Она ненавидела игроков и уж точно не могла предположить, что самый знаменитый игрок Омирши предложит ей выйти за него замуж. Нет, не ей. Он предложит это ее отцу.

Силь никогда не пользовалась популярностью на подобных мероприятиях. Наверное, потому что предпочитала прятаться по углам вместо того, чтобы кружить в танце по гостиной. Она не любила танцевать. Она любила петь. Она хотела бы блистать на таких праздниках и званых вечерах, даря каждому немного радости волшебством музыки.

Но отец был непреклонен: знатной леди не пристало стоять на возвышении возле рояля и продавать себя, подобно уличной девке.

К сожалению, салонные разговоры и сплетни Сиэллу утомляли своей пустотой и однообразностью, поэтому на званых вечерах она предпочитала притворяться немой.

Как она могла привлечь внимание Нейтана Тинклера, циничного ублюдка, рядом с которым вились самые ослепительные красавицы Омирши? Да и разница в возрасте у них была довольно большой... Тинклеру было тридцать пять, и разгульный образ жизни уже оставил свои следы на его лице: вечные темные круги под глазами и морщины возле губ отталкивали двадцатитрехлетнюю Сиэллу. Он для нее слишком стар!

А еще она его боялась. До дрожи в коленках, до головокружения и обморока. Эти его глаза... Черные как ночь, они заставляли Сиэллу цепенеть. Это были глаза змеи. Глаза убийцы.

Будущий муж внушал ей откровенный ужас. И именно эти цепкие, заставляющие холодеть все внутри глаза были, пожалуй, самой главной причиной, по которой Сиэлла не хотела выходить замуж за Тинклера.

Со всем остальным можно было смириться, даже с тем, что ее, по сути, продают... но не с этим.

А в свете последних событий...

Шесть дней назад общество содрогнулось от известия, что неподалеку от ратуши, в самом сердце огромного города, было найдено тело Кирана Крейна, молодого и безрассудного виконта, который вот-вот должен был жениться на одной из самых богатых наследниц Омирши. В самом факте убийства не было ничего странного: добившись руки Зиры Мейнар, он перешел дорогу слишком многим, но способ убийства был ужасен.

Бедняге отрубили пальцы, а потом каким-то страшным клинком разворошили внутренности, вытащили из живота печень и уложили пальцы на ее место. А печень засунули в рот. Газеты буквально трубили об этом, и крики разносчиков раздавались на каждом шагу. Пожалуй, впервые за долгое время тираж разлетелся еще до обеда. В кармане сюртука жертвы убийца оставил «подарок». Игральную карту, туза трэф. И газетчики тут же дали убийце прозвище Туз.

Сиэлла помнила, как страшно ей было читать ту статью. А еще она помнила, что после обеда в их дом пришел Нейтан Тинклер. И отец объявил о предстоящей помолвке.

Эти два события никак не были связаны между собой. Но совпадение пугало.

Три дня назад таким же образом убили еще одного. Какого-то простолюдина, торговца рыбой. Но снова — неподалеку от ратуши. И снова — в кармане туз. Червонный.

Омирша, город, за которым кончился Хортелл и начинались владения степняков — кровожадных кочевников, чьи набеги прекратились лишь полсотни лет назад, был привычен к странным обрядам беспокойных соседей. И к их жутким культам.

Но Туз точно не был кочевником. Степняки не играли в карты.

Только в кости.

Устав от совершенно бессмысленного соблюдения приличий, Сиэлла резко встала из-за стола, несколько раз моргнула, справляясь с головокружением, и твердо посмотрела на отца. Судя по его взгляду, он был очень недоволен тем, что она покинула завтрак раньше его.

— Я никогда не думала, что такое скажу. Я ненавижу тебя. Ты используешь меня, чтобы поправить свое положение. Ненавижу...

Глаза защипало от подступающих слез, и Силь поспешила выбежать из столовой, не слушая окриков отца и мачехи.

Надежды нет. Ее просто продают, как породистую сучку. Красивую собачку с хорошей родословной. И чувства собачки никому не интересны. Никому!

Важна лишь ее цена.

Ноги сами понесли ее на улицу, где она встретила покорившиеся первому дню осени и первым же заморозкам поникшие цветы.

Только бархатцы оранжевыми всполохами раскрашивали царящее вокруг уныние. Скоро и листья станут желтыми, сгорят в собственном пожаре и опадут, оставив остовы деревьев чернеть. Это произойдет быстро: степные ветра уже идут на Омиршу, и скоро в городе станет очень холодно.

Солнце еще не знало, что лето закончилось, поэтому, не смотря на то что ночная стылость еще не полностью ушла, Сиэлла не замерзла, хотя и была в одном платье. Впрочем, она в любом случае не стала бы возвращаться за накидкой.

Так и не позволив слезам вырваться, она судорожно вздохнула, провела ладонями по лицу и шагнула к воротам отделяющей владения графа Ремур от остального мира невысокой, чуть выше двух метров, каменной стены.

Ворота давно скрипели: Эдж никак не мог добраться до них, потому что отец не давал денег на смазку, и это почему-то разозлило Сиэлла еще больше.

На наряды для приемов деньги есть, а просто смазать механизм ворот — нет!

Она покинула владения отца, и на нее тут же нахлынули запахи давно уже проснувшегося города, его шум и гвалт. Создавалось впечатление, что ее дом и сад находились под куполом, скрывающим их от внешнего мира.

— Слушайте все! Туз снова вышел на охоту! Динар Крейн мертв! Скольких еще убьет маньяк, пока магполиция бездействует?! — сквозь грохот проезжающего мимо экипажа услышала Сиэлла.

На другой стороне улицы Мятного Хлеба стоял мальчишка-разносчик.

Еще одно убийство? Третье за пять дней?

Крейн... это же брат первой жертвы! Скромный парень, Сиэлла помнила его по салонным сборищам. Тоже прятался по углам.

Сиэлла почувствовала, как ее начинает бить озноб. И прохлада первого дня осени здесь была ни при чем.

Словно замороженная, она пересекла улицу, не обращая внимания ни на что, чем сильно рассердила возницу очередного экипажа, едва не попав под копыта несущихся лошадей. Пропустив мимо ушей грязную ругань, она подошла к мальчишке и сунула руку в карман. Нащупав ассигнацию, протянула ее разносчику.

— Дай одну, — отрывисто сказала она.

Разносчик глянул на достоинство ассигнации и скривился. Пять медянок, ровно столько, сколько стоит один экземпляр. И не скажешь теперь, что сдачи нет, «но ведь вы же так щедры, благородная госпожа!».

Как только газета оказалась в ее руках, Сиэлла впиалась взглядом в центральный заголовок.

«Новое убийство благородного. У Крейна остался последний сын, неужели и его ждет страшная участь?»

Статья была большой, и яд в адрес магполиции буквально сочился из страниц. На самом деле Силь не считала это правильным. Она была уверена, что детективы делают все, что могут. Такое громкое дело... если бы маньяк убивал простолюдинов, возможно, такой шумихи бы и не было...

Но третьей жертвой опять стал благородный. Из статьи было понятно, что газетчикам удалось увидеть тело, но комментариев от магполиции они не дождались. Со вкусом и подробностями было расписано то, что и так было известно наперед. У жертвы отрубили пальцы правой руки, распотрошили и вытащили печень. В сюртуке был туз пик. И опять тело нашли неподалеку от ратуши.

Как будто в насмешку над мэром.

Сиэлла нахмурилась. Правая рука... она хорошо помнила, что первую жертву лишили пальцев левой руки. А что насчет торговца рыбой? Кажется, про него не было написано ничего...

Но одно было понятно точно. Теперь — это было ясно как день.

Туз не остановится. Кем бы он ни был.

— Силь! — На плечи опустилась тяжелая ткань, и Сиэлла, испуганно вздрогнув, обернулась.

Элдж виновато смотрел на нее, и в его глазах плескалось отчаяние.

— Ты зачем убежала? Холодно...

Он, оказывается, накинул на нее свой плащ, и только сейчас Сиэлла поняла, что первый день осени действительно выдался холодным. Потому что сейчас по ее телу разливалось блаженное тепло.

И она не знала, что именно ее сейчас согревает: теплая ткань или присутствие Элджа.

Сиэлла свернула газету и сунула ее под мышку.

— Они сильно рассердились, да? — спросила она.

Элдж криво усмехнулся.

— А как ты думаешь? Твой отец не любит непослушания. Тебе лучше вернуться.

Чувство полнейшей безнадежности охватило ее. Она знала, почему Элдж выглядит виноватым. Он любил ее, но не мог помешать отцу сломать ей жизнь.

Сиэлла судорожно выдохнула и скинула плащ. Выпрямилась, расправила плечи и вздернула подбородок.

Омирша будто бы затихла, затаила дыхание, наблюдая за ней. Гвалт и шум заволокло пеленой, и звуки достигали ее слуха словно сквозь затычки. Единственное, что она слышала ясно и четко, — дыхание Элджа. Ей казалось, что, если она прислушается, сможет разобрать биение его сердца.

Сердца, рядом с которым ее собственное начинало биться быстрее.

Но им нельзя.

Не судьба.

Еще раз выдохнув, Сиэлла похлопала Элжа по руке и двинулась к воротам. Сейчас она зайдет в дом, закроется в своей комнате и немного поспит. При этой мысли резь в желудке стала невыносимой...

Да она лучше умрет, но не выйдет замуж за циничного ублюдка и игрока! Но смерть от голода — это слишком долго.

И мучительно.

Отгоняя малодушное желание отправиться на кухню и съесть хотя бы краюшку черного хлеба, Сиэлла быстро прошла по каменной дорожке через сад, поднялась на крыльцо и... нос к носу столкнулась с отцом.

Прищуренные глаза и гневно раздувавшиеся ноздри не обещали ничего хорошего, и она решила, что лучшая защита — это нападение.

— Вот! — Она вытащила газету и помахала ею перед носом опешившего отца. — Третье убийство! Вы собираетесь выдать меня замуж в то время, когда по улицам Омирши бродит маньяк!

К сожалению, отец быстро пришел в себя. Он вырвал газету из ее рук и уставился на заголовок.

— При чем здесь Туз? — скривив губы, спросил он. Его тоже впечатлила статья, как бы он ни пытался это скрыть.

— При том, что я не собираюсь играть свадьбу в темное время! Я знала Динара Крейна...

— Ты была едва с ним знакома... — процедил отец. — Собираешься носить по нему траур?

— А может быть, и да! — беспомощно воскликнула Силь, понимая, что проиграла. С чего ей вообще пришло в голову приводить подобный аргумент? К сожалению, серийный убийца никак с ней не связан и она не может использовать его против нежеланной свадьбы.

Интересно, а если Тузом окажется Нейтан Тинклер? Сиэлла даже усмехнулась этой неожиданной мысли. Тогда уж отец точно не сможет ее ему продать. И как было бы приятно сказать: я же говорила, что он мне не подходит.

Увы, отец не дал ей власть насладиться этими мыслями, сказав:

— Отправляйся в комнату и приведи себя в порядок. Твой будущий жених прислал записку. Он хочет посетить нас, обсу-

дить кое-что. И я хочу, чтобы сегодня ты встречала его рядом со мной.

— Нет! — вскричала Сиэлла. — Папа, пожалуйста!

— Хватит, Силь, — непреклонно ответил отец. — Ты избежала уже двух встреч, притворяясь больной или уставшей. Сегодня ты с ним встретишься. И мне все равно, как ты себя чувствуешь.

С этими словами отец развернулся и пошел в гостиную, оставив Сиэлле одну.

Только сейчас она обнаружила, что все это время они разговаривали через порог.

А обернувшись, увидела, что Эдж стоит у ворот и на его лице застыло отчаяние.

Она горестно вздохнула и зашла в дом.

Ей хотелось умереть.

Больше никого не встретив, она добралась до своей комнаты и закрыла дверь на ключ.

Что же делать? Встретаться с Нейтаном ей не просто не хотелось — даже мимолетная мысль о нем бросала в дрожь.

Сев на кровать, она вытянула руки и стала бездумно разглядывать свои ладони. Разум будто покрылся слоем степной пыли, мысли текли медленно, вязко, словно сосновая смола.

Наверное, это от голода. Скорее всего, это именно так. Энергии почти не осталось, она истратила все на пробежку за газетой. Может быть, стоит прикинуться сумасшедшей?

Кажется, у нее это получится очень хорошо! Просто отпустить себя... наговорить Тинклеру странных вещей... он сам сбегит!

Или, может быть, попробовать договориться?

О чем? О чем она может с ним договориться? Ей нечего ему предложить взамен! Нечего! Убедить его в ненужности этого брака? Как? Он ее совсем не знает, а она... боится его.

Силь подумала, что вряд ли сможет нормально поговорить с будущим мужем.

А что она будет делать потом, когда... если они поженятся?

А что будет делать он?

При мысли о том, что эти глаза будут смотреть на нее всю оставшуюся жизнь, Сиэлле стало совсем плохо.

Так ничего и не придумав, она закрыла лицо руками, уткнулась лбом в колени и затихла. Хотелось расплакаться, но не получалось. Ничего не получалось. Даже думать.

Поэтому когда кто-то тихо подошел к ее комнате, она услышала. Кто-то не решался постучать, и как бы Сиэлла ни хотела, но это был не Эдж.

Она узнала это дыхание.

Оторвав руки от лица, она поднялась и подошла к двери.

— Что тебе нужно, Элис? — спросила она.

Мачеха переступила с ноги на ногу, Силь слышала это так ясно, будто между ними не было закрытой двери.

— Я... я попросила твоего отца не заставлять тебя встречаться с Нейтаном... сегодня. — А вот голос Элис звучал глухо.

На Сиэлла накатило странное безразличие.

— А завтра? — спросила она. — Или на собственную помолвку я тоже могу не приходиться?

— Силь... открой, пожалуйста.

Пожав плечами, Сиэлла подчинилась. Элис стояла на пороге, а в ее глазах можно было прочесть искреннее сочувствие.

— Так что же? Я могу и завтра не приходиться? — спросила Сиэлла жестко.

— Силь... мне очень жаль. Правда жаль! Я не представляю, каково тебе. Я люблю твоего отца, я... мне действительно очень жаль. Я бы хотела тебя поддержать...

— ...но ты не хочешь прожить всю оставшуюся жизнь в нищете, когда есть такой прекрасный шанс, да? — усмехнулась Сиэлла.

Как бы она ни хотела услышать в интонациях мачехи фальшь — ее не было. Но это ничего не меняло. Элис искренне сочувствовала ей, но при этом не собиралась уговаривать мужа отменить помолвку.

Она, Сиэлла, должна стать овцой на алтаре Старухи — одного из самых жестоких божеств степняков, чтобы остальные обрели желаемое.

В который раз за сегодняшний день она почувствовала себя вещью.

— Убирайся, Элис. И Эви передай, чтобы не приходила. Мне не нужна поддержка, — спокойно сказала Силь.

— Но... — В глазах мачехи появились слезы. — Послушай... я... я тебя поддержу... если он будет тебя обижать, мы... твой отец...

— Моему отцу все равно, — безжизненно ответила Сиэлла. — Он сам так сказал. Да и тебе все равно. Ты сочувствуешь мне, да, но, если бы был шанс остановить все это и Нейтан

Тинклер отказался от свадьбы, оставив все как есть, что бы ты выбрала? Меня или деньги?

Элис закусила губу.

— Силь...

— Я так и думала, — спокойно сказала Сиэлла. — Я тебя не осуждаю, Элис. На твоём месте я думала бы так же.

И она закрыла перед мачехой дверь.

Не слушая ее сбивчивые попытки оправдаться, она подошла к большому зеркалу в резной раме. Позолота облупилась, да и амальгама была неровной.

Что ж, если Нейтан Тинклер хочет встречи, она исполнит его желание.

Все равно она не нужна никому, кроме влюбленного в нее слуги.

Может, стоит наложить на себя слой краски? Подвести глаза черным карандашом, стащить у мачехи карминовую помаду и яркие румяна? Возможно, Нейтану Тинклеру не понравится, что его будущая жена выглядит вульгарно, и он откажется от мысли жениться на ней? И платье... обязательно нужно платье с открытыми плечами и глубоким декольте. Волосы... волосы она распустил, начешет, и тогда уж точно будет выглядеть как шлюха!

С другой стороны — у ее будущего мужа репутация не самого благопристойного мужчины высшего общества. Пожалуй, более циничного ублюдка, пренебрегающего общественными приличиями, нужно еще поискать... А вдруг ему, наоборот, придется по вкусу?

Что же делать?

Сиэлла провела рукой по своим темно-каштановым волосам и намотала косу на руку. А если она отстрижет ее, как делают степняки в знак скорби? Это уж точно никому не понравится!

Даже ей самой...

Но отец, очевидно, предполагал что-то подобное, потому что не успела Сиэлла хоть что-нибудь решить, в комнату опять постучали.

— Кто там? — недовольно спросила девушка.

— Это я, Мирра! Госпожа, впустите меня, пожалуйста! — послышался умоляющий голос горничной.

Что ж, этого следовало ожидать. Отец прислал к ней служанку, предполагая, что она может что-нибудь выкинуть. Как

ни странно, Сиэлла почувствовала нечто похожее на облегчение.

Мирра помогла ей переодеться в красивое платье из зеленого бархата, переплела косу и заколола ее сзади, открывая шею. От драгоценностей Силь отказалась, и горничная не стала настаивать. Да и много ли у Сиэллы драгоценностей? Серебряная подвеска с большой черной жемчужиной да жемчужная же нить.

Жемчуг совершенно не подходил к зеленому бархату.

Пока Мирра возилась с прической, Сиэлла вновь почувствовала, что у нее начинает болеть живот. Голод опять проснулся.

Ничего. Наверное, после помолвки не будет смысла продолжать этот ненужный и бесполезный протест. Сиэлла поймала себя на мысли, что хочет, чтобы все произошло как можно быстрее.

Вот отец удивится, если она предложит не тянуть и объявить о свадьбе уже сегодня!

Усмехнувшись своим мыслям, Сиэлла отпустила горничную, пригладила подол и прислонилась к стене. Ей казалось, что если она сядет, то боль станет сильнее.

Надо заканчивать. Если уж умирать, то не от голода.

В гостиной тикали часы, и Силь слышала их так ясно, будто они были возле ее уха.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Надо настроиться. Смириться. Может быть, не все так плохо?

Тик-так. Тик-так.

В конце концов, ее отдадут замуж не за уродливого старика.

Тик-так.

Может, если она будет правильно себя вести, Нейтан Тинклер разрешит ей петь? Хотя бы для себя. Интересно, а у него в доме есть рояль?

Тик...

Хотя бы очень маленький...

Так...

Или хотя бы клавикорд?

В гостиной послышались голоса, хлопнула дверь, и Сиэлла поняла, что все ее смиренные мысли улетучились. Снова поднялась волна обиды, неприятия и ненависти.

И когда, черт возьми, она успела съесть нож?

Внезапная резь в животе была настолько сильной, что Сиэлла не смогла сдержать стон.

Больно... как же больно...

В глазах рябило, в голове будто взрывались фейерверки, а очередной нож в животе, кажется, порезал печень.

Сползая по стене вниз, Сиэлла подумала, что точно знает, как больно было жертвам Туза...

Сколько она так просидела? Время остановилось или текло как обычно? А что, если прошла целая вечность? И эта вечность была для Сиэллы болью. Сначала резкой, а потом — тягучей, словно кто-то разбередил незажившую рану.

Вспышки сменились темной пеленой, и в один прекрасный момент Силь обнаружила, что лежит на полу.

Как она может встречаться с Нейтаном Тинклером в таком состоянии? Но Силь понимала — отец вынесет ее на руках, если понадобится. Упрямство сыграло с ней злую шутку.

Кое-как поднявшись, Сиэлла отряхнула платье и снова прислонилась к стене. Боль в животе немного стихла, затаилась, чтобы ударить в самый неожиданный момент. Она сама виновата. Сейчас, когда ей нужны все силы, их просто неоткуда взять!

Идиотка, вот кто она.

Не помня себя и не понимая, зачем она это делает, Силь подошла к платяному шкафу, выдвинула один из ящиков и вытащила перчатки. Длинные, они закрывали всю ее кожу до самых рукавов платья.

Выполненные из белоснежного бархата, они не подходили под ее наряд совершенно, но Сиэлла почему-то решила, что с ними ей будет лучше.

Так он к ней не прикоснется.

Хотя бы сегодня.

Стоило ей натянуть перчатки, как в дверь постучали.

— Сиэлла! Ты здесь? — Голос отца. Он был очень зол, Силь слышала это даже через дверь.

Почему он злится? Он же не хотел, чтобы она встречала Нейтана Тинклера вместе с ним? Или хотел? Силь не могла вспомнить. Она смотрела на свои белоснежные перчатки и понимала, что в ее голове не осталось ни одной связной мысли.

Она медленно, будто идя на заклятие, подошла к двери и открыла ее.

Отец действительно был зол.

— Почему ты не спустилась? — сердито спросил он. — Я же...

— Папа... мне очень плохо... — В желудок снова воткнулся нож, и Силь, не притворяясь, застонала и схватилась за живот. — Пожалуйста...

— Не обсуждается, — отрезал отец. — Я предупреждал. И хватит делать вид, что тебе плохо! Я и не думал, что ты такая лгунья!

Но ей действительно плохо!

Зря она в прошлый раз притворялась... Теперь отец ей просто не поверит.

— Помогите мне... — Она протянула ему руку. — Просто отведи. Я... — Боль в животе становилась все сильнее. — Я волнуюсь.

Отец предложил ей локоть и повел вниз, в гостиную.

Он все-таки ей не поверил: несмотря на застилающую глаза боль, Сиэлла видела, как он сердит. Может быть, он сердит не на нее? Может, что-то случилось и ее жених его больше не устраивает?

Вряд ли. Иначе бы ее не вели на эту встречу.

Перед дверью гостиной отец остановился.

— Я хочу, чтобы ты меня не опозорила, дочь. Я оставлю вас на несколько минут. Совсем ненадолго. Пожалуйста, будь с ним лбезна. Он все-таки приближен к верхушке нашего города!

Силь судорожно кивнула. Она не знала, как ей трактовать слова отца. С одной стороны, он просто просил, а не приказывал... с другой — неужели он не видит, что Нейтан Тинклер всего лишь игрок, лишенный наследства? Неужели он забыл, что мэр предпочитает не вспоминать, что у него есть младший брат?

Нет, Нейтан не приближен к верхушке. Он, скорее, достиг самого дна. И хочет утащить ее вслед.

— Я постараюсь, — почти беззвучно прошептала Силь, приказала себе не замечать боли и толкнула дверь.

Чем быстрее они начнут, тем быстрее все это закончится.

Нейтан Тинклер стоял спиной к широкому витражному окну, и свет лился на него... сквозь него, заставив Сиэлла прищуриться. Разглядеть можно было только его силуэт, и она решила, что так даже лучше. Есть повод отвести взгляд, опустить глаза в пол и не смотреть. Не видеть тьмы, которая опускается на нее, когда она видит его черные глаза.

Она нехотя закрыла дверь, слыша, как удаляются отцовские шаги, и повернулась к будущему мужу. Нет. Будущему жениху, завтра они только объявят о помолвке.

У нее еще есть время побыть... свободной?

Она повернулась к Нейтану и слегка склонила голову.

— Добрый день, господин Тинклер. Искренне рада... вас видеть. — В желудок опять вонзился нож, и она закусила губу, чтобы не застонать.

Нет, перед ним она не будет слабой. Не будет. Она справится.

— Вы бледны, — раздался его голос. Резкий, скрежещущий, словно сталь по стеклу.

Сиэлла почувствовала, как ее берет злость. Он даже не поздоровался с ней! Воистину, этот человек не ведает о приличиях! Неудивительно, что в высшем обществе его принимают только из-за того, что он — брат мэра.

— Это... пудра.

О чем ей с ним говорить? О чем можно вести разговор с силуэтом? Неужели он не понимает, что ей неудобно на него смотреть?

Будто услышав ее мысли, Тинклер отошел от окна и приблизился к ней. Теперь она могла его видеть, и это тоже было плохо. Теперь тьма его глаз разливалась по комнате, заставляя Сиэллу дрожать.

Она поспешно опустила взгляд в пол. Тинклер встал в шаге от нее, и теперь она чувствовала его запах. Терпкий одеколон, кофе и... кровь. Да, она чувствовала запах ржавчины, отчего к ее горлу подкатил комок тошноты. Мысль о том, что Нейтан Тинклер может оказаться тем самым Тузом, перестала ей нравиться. Ей же предстоит стать его женой!

Женой.

От этой мысли ее затрясло еще сильнее.

— Тебе холодно? Ты дрожишь... — Он взял ее руку и поднес к губам, заставив порадоваться, что на ней перчатки. Она не представляла, что бы с ней сейчас было, если бы он коснулся ее кожи.

Комок поднимался все выше, и Сиэлла сглотнула горечь.

— Все... все хорошо, господин Тинклер.

Она не может. Не может она быть с ним любезной!

Он отпустил ее руку и будто бы немного отодвинулся. Запах одеколona, кофе и ржавчины заполнил ее ноздри и не давал покоя.

— Тебе нужно привыкнуть к моему имени. Меня зовут Нейтан. Завтра ты станешь моей невестой, не забыла?

Как она может об этом забыть? Не поднимая глаз, она раскрыла ладонь и повернула тыльной стороной, смотря на то место, где только что были его губы. Белоснежная перчатка оказалась ей измазанной, грязной. Или это обман зрения?

Боль снова стала всем, чем была Сиэлла, и она услышала, как в ушах стрекочут тысячи сверчков.

Нет! Нет, она не упадет в обморок! Он же тогда... он же сможет прикоснуться к ее коже! И она не будет этого помнить. Она не узнает, что он делал!

Нет. Нет.

Чтобы хоть как-то справиться с дурнотой, она подняла голову и столкнулась с ним взглядом. Теперь она могла видеть его очень хорошо. И не видеть одновременно — все ее существо заполнила тьма, вытекающая из его глаз.

Тьма, обрамленная ресницами, морщинками и кругами от очевидного недосыпа, она текла словно смола, цеплялась за трехдневную щетину и падала вниз. Расцветала на белоснежном вороте рубашки, сливалась с угольно-черным сюртуком... и, только опустив взгляд на руки Нейтана, Сиэлла почувствовала себя чуть свободней.

Боль, о которой она почти забыла, когда попала в ловушку тьмы, ударила ее со всей силы, и, не в силах сдержаться, Силь схватилась за живот. Она скорее почувствовала, чем увидела, что ее будущий жених нахмурился.

— Тебе плохо. — Он не спрашивал, а утверждал.

— Н-немного, — ответила Силь, отгоняя вездесущих сверчков, которые с каждой секундой становились все настойчивее. — Простите меня...

Она же обещала, что будет любезной, так?

Сиэлла вновь уставилась на его руки... на выглядывающие из-под рукавов сюртука накрахмаленные манжеты рубашки. И поняла, почему ей мерещится запах ржавчины.

Он ей не мерещился. Один из рукавов был измазан кровью. Совсем чуть-чуть, самый край, но это стало последней каплей.

Она резко отшатнулась от Тинклера, оступилась, подвернула ногу и едва не упала.

— Что с тобой?! — Его противный хриплый голос заставил сверчков зазвучать еще явственнее.

Нейтан подался вперед, наверное, хотел поддержать, но при мысли, что к ней притронутся пальцы, которые недавно были в крови, Силь запаниковала, дернулась и все-таки упала.

— Не прикасайся ко мне, не прикасайся ко мне, не прикасайся!!! — завизжала она.

Живот опять взорвался болью, она перевернулась, встала на четвереньки и уставилась на его ботинки. Как ни странно, они идеально блестели, даже пыли на них почти не было.

— Не прикасайся... я сама встану, — сквозь застилающее разум надвигающееся беспомощное состояние сказала она. — Не подходи... не подходи ко мне.

«И не говори... молчи... прошу тебя, молчи...»

Она так боялась, что он склонится над ней и вновь прикоснется, даже через ткань, что кое-как доползла до стены и села, прислонившись к ней спиной.

— Прости... те... я действительно... плохо себя чувствую.

Тинклер молчал. Она подняла на него взгляд и увидела, что он смотрит не на нее, а на дверь, откуда она пришла. Потом он подошел к небольшому низенькому столику и взял серебряный колокольчик.

Позвонив в него, он отошел к окну, снова став всего лишь силуэтом.

Сиэлле стало даже немного стыдно. По сути, сейчас он не сделал ничего плохого. Он хотел ей помочь, а она устроила истерику.

Отец будет недоволен.

На зов явилась не Мирра, и даже не отец.

— Силь? — Элис казалась обеспокоенной. — Что произошло?

— Почему вы не сказали, что ваша падчерица больна? — Голос Нейтана звучал недовольно. — Посмотрите на нее, она же бледна как моль. Падает на ровном месте, не видит перед собой ничего. По-вашему, я бы настаивал, если бы знал, в каком она состоянии?

— Это... это волнение... — Элис растерялась. — Сейчас...

Мачеха подошла к Сиэлле и помогла ей встать.

— Пожалуйста... не оставляй меня с ним одну. — Сиэлла изо всех сил сжала руку Элис. — Умоляю...

Она говорила тихо, надеясь, что Тинклер не услышит.

— Я... господин Тинклер, я прошу прощения. Дело в том, что Сиэлла немного перенервничала и от этого сегодня не прикоснулась к еде. Завтра она будет в порядке.

— Вызовите ей врача, — приказал Нейтан. — И пусть поспит. Она на грани обморока, если вы не заметили. Передайте вашему мужу, что я жду его завтра утром. Надо кое-что обсудить.

Обсудить? Может... может, он отменит помолвку? Или хотя бы отложит...

— Я передам, — кивнула Элис, поддерживая Силь.

— До встречи. Надеюсь, к завтрашнему вечеру ваша падчерица придет в норму. — Нейтан вышел из гостиной, и Сиэлла, поняв, что больше не нужно держаться, отдалась во власть беспамятства.

Что было дальше в этот день, Силь толком не помнила. Она просыпалась в своей кровати, Мирра или Элис кормили ее из ложечки теплым бульоном, потом разводили в стакане с водой какой-то кислый порошок, давали ей выпить, и она снова проваливалась в небытие.

И там, в глубинах сознания, ее ждал Туз. Иногда он принимал облик отца, иногда — Нейтана Тинклера, а один раз пришел к ней в облике Элджа. В ее сне Туз пах хорошим табаком, душистым вином и кровью. За спиной Туза, кем бы Сиэлла его ни видела, колыхался бесконечный плащ из тьмы. Тьма смотрела на нее сотнями и тысячами глаз, подмигивала, манила к себе.

Силь не хотела смотреть на тьму, она отворачивалась и бежала прочь. Так быстро, как только могла. Но тьма была проворней. Она настигала ее, опутывала тонкими щупальцами, которые обжигали кожу, ласкала ее, оставляя жуткие ожоги.

Каждый раз сон заканчивался одинаково. Тьма хватала ее за лодыжки, высоко поднимала, а потом швыряла на камни, покрытые тонким слоем песка. И это было больно.

Очень больно.

Когда Сиэлла наконец пришла в себя, за окном было светло. Неужели прошло так мало времени? Ведь во сне время может растянуться до бесконечности, тогда как в реальности пройдет несколько секунд.

— Доброе утро, соня! — послышался голос от двери.

Повернув голову, Силь увидела Элджа.

— Уж-же утро? Я...

— Ты почти сутки проспала. Тсс... — Он приложил палец к губам. — Не говори ничего. Сначала послушай.

Он стремительно приблизился к ней, помог сесть на кровати, взбив подушки, чтобы ей было удобнее, а потом встал на

колени у изголовья. Он был так близко. Сиэлле казалось, что она сможет посчитать каждую ресничку.

В нос ударил запах табака и вина.

— Эдж... что происходит? — Запах ее испугал. Это был запах из сна, только привкуса крови не хватало.

Так может пахнуть только Туз, но никак не Эдж!

Эдж нежно улыбнулся. Поднял руку и ласково, почти невесомо, провел по ее щеке, а потом выпалил:

— Давай убежим?

От этих слов у Сиэллы перехватило дыхание.

— Эдж... — не зная, как выразить охватившее ее чувство, пролепетала она. — Я... я согласна!

Она только сейчас поняла, что ждала этих слов с того самого момента, как узнала, что отец собирается продать ее Нейтану Тинклеру.

— Вот и хорошо. — Улыбка Эджа была такой светлой, что Сиэлла почувствовала себя согретой лучами весеннего солнца. И пусть в Омирше сейчас осень, приправленная запахом прели и полынной горечи, сейчас, когда у нее появилась надежда быть с Эджем, в ее душе расцветала весна.

Подавшись вперед, он чуть коснулся ее губ своими, а потом снова погладил по щеке.

— Я все устрою, — торопливо прошептал он, шевеля дыханием ее волосы. — Единственное, что требуется от тебя, — ждать. И вести себя хорошо. Будет обидно, если тебя запрут на ключ.

— Собираешься меня похитить? — хихикнула Сиэлла. После мимолетного поцелуя Эджа ей стало так хорошо, как не было никогда.

Это так сладко — знать, что тебя любит тот, кому ты отдала свое сердце.

— Нет. Не похитить. А взять тебя себе, — серьезно ответил Эдж. — Как только ты избавишься от гнета своей семьи, мы поженимся.

— Ох, Эдж! — Сиэлла счастливо рассмеялась и вновь потянулась к его губам.

Они были мягкими, горячими и очень нежными. Почему они раньше не целовались? Они ведь давно знают о чувствах друг друга. Что им мешало быть счастливыми? Разница в положении? Дурацкое общество, которое ее осудит, если... когда она выйдет замуж за простолюдина?

К черту общество.

К черту запреты.
К черту Нейтана Тинклера со всеми его деньгами!
Сиэлла счастлива.

* * *

Строго наказав ей никаким образом не выдавать себя, Эдж ушел. Он обещал, что все устроит за пару дней, надо только немного потерпеть. И Сиэлла верила. Она верила ему, как самой себе. Потому что это Эдж. Ее Эдж, который любит ее не за деньги. Не за титул. Он просто ее любит.

А она любит его.

Эдж ушел, но след прикосновений его губ остался. И Сиэлла поклялась себе, что сегодня на помолвке она не позволит Нейтану Тинклеру стереть этот след.

Предстоящий прием ее больше никак не трогал. Когда утро перешло в день, в ее комнату пришла Элис. Мачеха обеспокоенно осмотрела ее и спросила, сможет ли Силь выдержать этот вечер. Сиэлла знала, что может. Сейчас, когда на ее губах горели поцелуи Эджа, она могла все.

Ей было так хорошо, что она едва сдерживалась, чтобы не закричать о том, как же она счастлива!

Приходилось делать вид, что самочувствие не позволит ей присутствовать на вечере от начала до конца.

Отец так и не пришел.

Не то чтобы Сиэлла его ждала, но выглядело это безобразно. В конце концов, вчера ей действительно было очень плохо, но отцу было плевать.

Убедив мачеху, что на непосредственном объявлении помолвки она присутствовать сможет (Эдж же сказал вести себя хорошо!), она обронила, что, наверное, не выдержит весь вечер. Мачеха обещала, что поговорит с отцом.

Сиэлла была довольна. Если она уйдет рано — у нее будет больше шансов избежать ненужных объятий нежеланного жениха, который еще не знает, что ему никогда не стать ее мужем.

Когда Элис ушла, Силь поднялась с кровати, вызвала Мирру и попросила принести ей свежую газету. Сегодня ночью Туз не объявлялся, и это тоже было хорошо. Сиэлла сама не знала, почему ее интересует это дело. Да, убили ее знакомого... но ведь она заинтересовалась этим убийцей после первого совершенного им преступления!

В любом случае сегодня ночью маньяк спокойно спал в своем логове. Или не спал. Но все равно никого не убил.

Принесли завтрак, а точнее — обед, потому что завтрак Сиэлла проспала.

Это было не важно. Нужно вести себя хорошо, и поэтому она безропотно проглотила овощное пюре и маленький кусочек белого мяса, приготовленного на пару специально для нее.

Потом Мирра унесла посуду и вернулась для того, чтобы помочь ей собраться. Служанку очень удивило откровенно приподнятое настроение Сиэллы, и та поняла, что она может рассказать о ее поведении отцу. Случайно, без умысла.

Поэтому она изо всех сил попыталась придать себе скорбный вид.

Не получалось. След от жарких поцелуев Элджа все еще горел на ее губах.

— Вы очень хорошо выглядите, госпожа Сиэлла, — закончив с прической, сказала Мирра. Силь так и не поняла, догадалась ли служанка, что ее грусть — напускная, или нет.

— Спасибо... — В зеркале действительно отражалась довольно-таки симпатичная девица. Она уже была не такая бледная, как вчера. И, наверное, не такая растрепанная. Белые перчатки сегодня прекрасно подходили к бежевому платью, а кружевной ворот Сиэлла подняла.

Ей хотелось, чтобы этот мир видел ее саму как можно меньше.

Если бы она могла — спрятала бы лицо под вуалью.

Жаль, что ей не по кому носить траур.

Жаль. Потому что сияющие глаза ее выдавали. Ей казалось, что все вокруг видят... все вокруг знают, что еще совсем недавно она целовалась с Элджем!

Но ничего. Даже без вуали она готова. Готова встретиться с Нейтаном Тинклером и его тьмой.

Встретиться и стать его невестой.

Гостей было совсем немного: к сожалению, их семья не могла позволить себе устроить пышный вечер и пригласить полгорода. Ведь Нейтан Тинклер еще не купил ее. Он еще не дал ее отцу денег. Хотя, возможно, помог с организацией помолвки.

Спустившись в полупустую музыкальную гостиную, Сиэлла оглядела гостей и с горечью осознала, что на ее помолвку «забыли» позвать ее подруг. Все гости были отцовскими

друзьями с женами, еще Силь заметила несколько незнакомцев. Возможно, знакомые Нейтана.

Ну что ж, ей все равно. Эта помолвка ничего не значит. Она не выйдет замуж за Тинклера. Ведь на ее губах горят поцелуи Эджа, а в груди горит огонь надежды.

Этот огонь согревает, наполняет ее радостью предвкушения.

Этот огонь поможет ей не поддаться страху.

Увидев будущего жениха, Сиэлла с удивлением поняла, что вчерашняя сцена дала свои плоды. Он лишь кивнул ей в знак приветствия, не делая попыток приблизиться. Возможно, не позволять ему прикоснуться к себе будет не так уж и сложно?

Огонь в груди был так ярок, что тьма, которая вчера буквально затопила ее, сегодня спряталась в глазах Нейтана, не пытаясь выбраться. Сегодня его взгляд ее не пугал, не вызывал приступов паники или боли.

И это тоже было хорошо. Потому что она должна вести себя тихо. Не высовываться и не давать отцу повода ее запереть.

Пусть они думают, что она смирилась. Пусть...

Пусть они мечтают о деньгах Тинклера, которых не увидят. Сиэлла и не подозревала, что ее обида на отца так велика. Понимая, что она обрекает его на дальнейшую нищету, она не испытывала никаких мук совести. Может быть, потому, что ни вчера, ни сегодня он даже не пришел спросить, как она себя чувствует? И сестра тоже не приходила... По сути, за ней ухаживали служанка и мачеха. Элис... за Элис было немного обидно. Но ведь она вышла замуж за отца не из-за денег!

Подойдя к столам, Силь обнаружила, что на них только закуски. Значит, на горячее денег не хватило. Зато было несколько бутылок игристого вина, не самого дорогого.

Интересно, каково сейчас Нейтану? Он ведь наверняка привык к самому лучшему! Будто услышав ее мысли, будущий жених прервал разговор с одним из мужчин, с которыми она была незнакома, повернулся к ней и встретился с ней взглядом.

Совершенно ничего не выражающий, сегодня он не заставил ее оцепенеть или испугаться. Надо соблюсти приличия и подойти к нему.

С другой стороны — она еще не поздоровалась с собственным отцом! Где он, кстати?

Подарив Тинклеру неуверенную улыбку, Сиэлла вновь начала оглядывать собравшихся людей. Но глаза натыкались на потертый ковер, ветхие скатерти, стулья, обивку которых уже давно пора было менять. А еще она заметила, что исчез рояль.

Как? Почему? Забыв, что она все равно собирается покинуть этот дом и сбежать навсегда, Сиэлла ощутила горький укол обиды.

О нет, она не думала, что огромный инструмент, подаренный ей отцом на четырнадцатилетие в те времена, когда у них еще были не такие большие проблемы, перевезен в дом Тинклера. Ее будущий жених, даже если столь любезен, что не против ее увлечения петь, купил бы инструмент сам.

Его репутация говорила сама за себя: Нейтан Тинклер был не только игроком и циником, он любил тратить деньги. Она не сильно интересовалась его жизнью, но тем не менее ей было известно, что он спускает целые состояния на подарки своим любовницам.

Если так — он знает подход к женщинам, так?

Пожалуй, если бы он подарил ей рояль, ей было бы приятно получить этот подарок. Даже от него.

Отец избавился от инструмента. Как будто вместе с Силь должно уйти все, что напоминает о ней.

А потом она поняла...

Слишком гордый, чтобы просить у будущего зятя денег в долг, отец продал рояль, чтобы устроить сегодняшний вечер! Как она сразу не догадалась!

Стало обидно. Силь понимала, что, скорее всего, Нейтан предлагал оплатить сегодняшнее угощение. Как бы она ни хотела думать иначе, этот человек был готов вытащить ее семью из нищеты, а помолвка — это ведь тоже атрибут будущей свадьбы.

Вместо этого отец продал рояль. Ее рояль!

Пожалуй, когда она это осознала, последние крохи вины перед семьей разлетелись в пыль.

Если они так хотят от нее избавиться, она уйдет. И они не получат взамен ни медянки!

Обида на отца была столь сильной, что она решила с ним сегодня не разговаривать.

Вообще не разговаривать с ним.

Никогда.

— Хорошо выглядишь, сестренка! — Сзади подошла Эви, и Сиэлла с горечью должна была признать, что наряд сестры

на порядок богаче. Почему она не заметила, как стала нелюбимой дочерью?

Почему из всей ее семьи вчера за ней ухаживала именно мачеха?

— Ты тоже, — тихо ответила Силь.

Эви ослепительно улыбнулась.

— Хорошо отец все устроил, правда?

Обида разгорелась ярче.

— Где мой рояль, Эви?

Веселость слетела с сестры мгновенно. Она поджала губы.

— У него не хватало денег. Пришлось выкручиваться.

— Ты помогала ему, да? Избавляться от единственной дорогой вещи в доме, которая принадлежала мне?

— Силь... не будь такой эгоисткой!

Но Сиэллу уже было не остановить. Обида захлестнула ее штормовым шквалом, и кроме нее не осталось ничего.

— Почему бы тебе было не продать парочку своих платьев? У меня таких никогда не было. Но нет, это тебе в голову не пришло. И отцу — тоже. Сегодня я должна принимать подарки. А получается, что я оплатила свою помолвку сама. Не говоря уже о том, что будущий муж не внушает мне ничего, кроме отвращения. И после этого ты называешь меня эгоисткой?

Больше разговаривать с сестрой не хотелось, и Сиэлла отвернулась от нее.

Надо умерить обиду. Вернуть себе огонь надежды! Согреться в лучах нежности к Элджу.

Но, глядя на пустое место там, где совсем недавно стоял инструмент, это получалось плохо.

И Сиэлла поступила так, как обычно поступала на таких мероприятиях. Взяла бокал игристого вина, нашла самый темный уголок и сделала вид, что она — немая.

Впрочем, долго стоять не пришлось. В музыкальной комнате появился отец и объявил, что в их семье радостная новость: его старшая дочь согласилась выйти замуж. Все сделали вид, что не знали, зачем здесь собрались, Нейтан подошел к ней, поклонился и взял руку в свою. Хорошо, что она была в перчатках, и это прикосновение не принесло ей сильного неудобства.

Сегодня она даже смогла его разглядеть. Впервые, когда он был так близко, ей не хотелось спрятаться.

Было спокойно. Все равно.

Он не станет ее мужем, это Сиэлла знала точно.

Интересно, а он когда-нибудь одевается менее... мрачно? По сути, она никогда не видела его в чем-то кроме черного костюма-тройки, оттеняющего огромные круги под глазами. Разгульный образ жизни давал о себе знать, и сегодня Сиэлла впервые смогла разглядеть в его глазах не только тьму, но и усталость. А еще — циничное равнодушие. Тонкие губы кривились в насмешливой полуулыбке, и Сиэлла заметила, что сегодня он чисто выбрит.

От него пахло кофе, виски и немного — дорогим табаком. Будто он не курил сам, а просто долгое время находился в прокуренном помещении.

И Сиэлла догадывалась, где он был. В игорных домах всегда накурено.

Ей было все равно.

Кажется, ее вчерашняя истерика дала плоды. Ее уже настоящий жених не пытался с ней заговорить. Или прикоснуться к щеке.

Через несколько минут, когда немногочисленные поздравления от друзей отца и его знакомых были приняты, он склонился к ее уху и прошептал:

— Иди спать, Сиэлла. Ты выглядишь лучше, чем вчера, но голодовка не пошла тебе на пользу. Свадьба через десять дней, и я хочу, чтобы свадебное платье на тебе сидело хорошо. А не висело.

Сиэлла едва сдержалась, чтобы не передернуть плечами.

Откуда он знает, что она объявляла голодовку? Элис же вчера говорила, что она просто пропустила завтрак?

И о каком платье он говорит?

Впрочем, все равно. Все равно! Скоро ее здесь не будет. Элдж спасет ее от этого человека. От них всех.

— Спасибо за заботу... господин Тинклер. — Сиэлла попыталась улыбнуться. — Я, пожалуй, последую вашему совету. Еще раз благодарю. Я не очень люблю подобные собрания.

Ее жених ухмыльнулся:

— Я знаю.

Гадая, откуда ему все про нее известно, она позволила ему поцеловать кончики ее пальцев, кивнула ему в знак прощания и степенно и неторопливо вышла из музыкальной комнаты.

Оказавшись у себя, она плюхнулась на кровать и счастливо рассмеялась.

Десять дней. За десять дней она успеет покинуть не только этот дом, но и этот город!